

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.1)
EDN [VVWSIP](https://www.vvwsip.ru)
УДК 316.45

В. Ф. Левичева¹, С. Л. Диманс²

¹ АНО Институт «Справедливый мир». Москва, Россия

² МГАФК. Москва, Россия

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Цель статьи — представить концептуально-методологический подход к пониманию неформальных взаимодействий как онтологического основания общества и ресурса его развития. Авторы раскрывают их основные сущностные качества — рекурсивность, темпоральность, эластичность, вариативность и ценностную нагруженность, демонстрируя их роль в трансформации политических, экономических и социальных практик. Гибкость и адаптивность неформальных норм обеспечивают сохранение и передачу из поколения в поколение целого спектра положительных поведенческих моделей, ценностей и смыслов, закреплённых за конкретными жизненными ситуациями. Рекурсивная «петля» неформальности обеспечивает неразрывность социальных связей во времени. Неформальные взаимодействия не только дополняют институциональную среду, но и при определённых условиях могут замещать её, формируя новые конфигурации социальной реальности. Они обогащают социальный ландшафт, страхуют общество от постоянно возникающих рисков и создают поведенческие альтернативы. Именно неформальность выступает фактором, который делает каждое исторически сложившееся общество уникальным. Вместе с тем, чрезмерное распространение неформальных практик указывает на дефицит или неэффективность институциональной структуры и может становиться барьером для устойчивого развития.

Ключевые слова: неформальные взаимодействия, институциональность, темпоральность, рекурсивность, страхование рисков, социальное уклонение

Для цитирования: Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Неформальные взаимодействия в обществе: опыт концептуальной интерпретации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 7–21. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.1). EDN [VVWSIP](https://www.vvwsip.ru).

Введение. Понятие «неформальные взаимодействия» (связи, отношения, коммуникации, практики) достаточно широко используется не только в современном академическом общественном знании, но и в актуальной публицистике. Именно поэтому создаётся впечатление о наличии огромного числа публикаций о том социальном явлении, которое оно фиксирует. Между тем при внимательном анализе нетрудно заметить, что исследования неформальности в обществе распределяются на ряд ограниченных предметных областей. Наиболее обширная из них — неформальная экономика и неформальная занятость. Значительное внимание уделяется неформальным группам, неформальным объединениям молодёжи. Активно используется это понятие при анализе коррупции и делинквентности как негативных социальных явлений. Появились исследования лоббирования как неформального взаимодействия при продвижении

© Левичева В. Ф., Диманс С. Л., 2025

частных, корпоративных и общественных интересов и поселенческих неформальных практик, распространённых в российском обществе.

Свой вклад вносит и публицистика. Когда растущее множество событий захватывает и переполняет воображение, журналисты начинают активно разрабатывать различные конспирологические схемы, объясняющие происходящие события именно в неформальном персоналистском ключе. Распространяемые сегодня в интернете и СМИ конспирологические трактовки всего и вся — это попытка объяснить происходящее недоступными для большинства людей непреодолимыми и невидимыми силами. Конспирология даёт им конкретные имена и тем самым делает их более или менее «понятными».

Но как «засилье» неформальности можно объяснить с научных позиций? При значимых результатах в различных областях проявления неформальности в обществе, её внутреннее содержание остаётся неизученным. Почему именно неформальность обеспечивает неразрывность социальной ткани, выживаемость общества при самых радикальных воздействиях на него? Что лежит в основе социальной повторяемости, которая фиксируется в жизненном опыте поколений? Благодаря каким качествам неформальные взаимодействия оказываются онтологическим основанием общества и его цивилизационным ресурсом? Или, напротив, почему при столь очевидных и быстрых изменениях в российском обществе всё остаётся — «как всегда»?

Наша цель — предложить методологический подход, на основе которого может быть развито понимание неформальности как общесоциального явления.

Разрабатываемая нами методологическая программа обеспечивает аппроксимацию концептуальной интерпретации и фактических кейсов, ставших известными в медиапространстве. Мы далеки от мысли, что эмпирическое исследование неформальности (точнее, тех или иных фрагментов неформальных отношений), проведённое с помощью опросных методов, вообще может что-либо подтвердить или опровергнуть. К сожалению, социологии пока с большим трудом удаётся расширить инструментарий до исследования того, о чем не принято говорить или, наоборот, принято говорить только определённым образом. Приходится действовать постфактум и, нередко, снимать «оболочку» определённым образом «упакованных» речевых высказываний. Поэтому мы вынуждены в данной статье пользоваться общими конвенциональными критериями совместимости, уместности, пригодности и удобства теории для объяснения и интерпретации случая.

Другими словами, неформальные коммуникации, являясь онтологически фундаментальными [1], требуют отдельного концептуального представления, создания своего рода концептуальной «оптики», которая должна существенно увеличить возможности в понимании социальных связей, формирующих общество.

1. Сущностные качества неформальных взаимодействий

♦ **Рекурсивность неформальных практик.** Межличностные и групповые неформальные коммуникации, повторяясь бесчисленное количество раз из поколения в поколение, отражают опыт прошлого и позволяют человеку без прохождения сложного процесса мотивации осуществлять выбор и достигать искомого результата.

Другими словами, неформальные практики рекурсивны, то есть возникают как бы из самих себя, но уже с другими значениями параметров — усложнёнными

ми или, напротив, упрощёнными — подобно изменению фрактальных паттернов по заданному алгоритму.

Рекурсивность неформальных отношений позволяет обществу сохранять устойчивость в условиях неопределённости и адаптироваться к новым ситуациям. Оно приспосабливается одновременно и к внешним вызовам, и к своему социальному прошлому, что напоминает приспособление к среде индивидуального организма, стремящегося выжить, но неспособного вырваться из рамок, задаваемых генетической информацией. Возникает так называемая «рекурсивная петля», конечный результат которой снова запускает процесс с его начального состояния. Она подстраивает поведение индивидов под свои интенции, которые самими индивидами даже не осознаются.

По мнению Э. Гидденса, рекурсия возможна потому, что социальные действия осуществляются акторами не напрямую, а опосредованно, через устойчивые структуры общественных взаимодействий, которые и делают акторов акторами [2, р. 2]. Фактически речь здесь идёт о мотивации поведения людей, определяемой уже сложившимися общественными коммуникациями.

Однако наряду с процессом формирования и распространения некоего рекурсивного кода общественных коммуникаций возможен и процесс его угасания. Поэтому судьба неформальных практик различна: что-то остаётся, а что-то рано или поздно погибает, уходит в фольклор, утратив остатки реальности. Как пишет Лефевр, в социальном пространстве нет ничего от «субъекта» и, тем не менее, оно действует как «субъект», несёт в себе и поддерживает одни социальные отношения, растворяет другие, противится третьим [3, с. 64].

«Тёмная» сторона рекурсивности социальных взаимодействий состоит в том, что она довольно жёстко загоняет алгоритм поведения людей в некие рамки, выход за которые недопустим, что неизбежно снижает актуальность настоящего в угоду прошлому. Как пишет С. Барсукова на примере неформальной экономики, «выросшие из практики правила поведения всегда смотрят “в прошлое”, они плохо работают на будущее, особенно если оно видится через “прицел” реформ» [4, с 95]. Имеются в виду институциональные реформы, чуждые сложившимся практикам.

Именно в этом следует искать ответ на вопрос, почему некоторые общности, народы, страны из-за накопленной социальной памяти веками не могут выбраться из бедности и отсталости. Рекурсивность подавляет возможность системы быть иной со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Примеры того, как подобная рекурсивная динамика способна блокировать возможность системного развития, можно найти и в российской истории [5].

♦ **Темпоральность.** Рекурсия включает в себя темпоральное измерение неформальных взаимодействий, что позволяет осмыслить временные аспекты поведения, в том числе исходя из представлений о прошлом как фундаменте для выстраивания настоящего и образа ближайшего будущего. Темпоральные характеристики неформальных практик складываются в символических полях вокруг важнейших социальных структур. Привязанные к различным структурам социального пространства, они создают многообразие субъектов времени и определяют формы их жизнедеятельности, то есть темпоральность для различных неформальных практик будет разной.

Чтобы выявить социальные связи какого-либо сообщества, надо узнать, каким временем оно живёт. По мнению А. Шюца, именно строительство общего

времени является строительством социального. Говорить о «нас» можно только в том случае, если имеет место «темпоральная координация» (общность времени, синхронность действий и др.) [6]. Причём «близость в пространстве» не означает «близости во времени».

Адаптация сообществ к временному ритму происходит по-разному. Поэтому различия в темпоральности или временных несоответствий в сообществах избежать невозможно. Как пишет Х.-Г. Броуз, культура в глобальном мире — это «культура неодновременности», что создаёт для индивидов проблему идентичности и необходимость «всякий раз находить себе новый дом» [7]. Скажем, толерантность как условие совместного проживания индивидов при этническом разнообразии будет иметь смысл только в том случае, если она основана на всеобщей синхронизации временных ритмов. Каждый индивид вынужден согласовывать своё видение прошлого, настоящего и будущего с социальным временем другого, что из-за «культуры неодновременности» удаётся далеко не всегда. Индивидуальный или коллективный шок от перехода от одной социальной реальности к другой, от невозможности быстрой адаптации к другому темпоральному ритму и приводит к широко обсуждаемому кризису идентичности.

Именно из-за трудности понимания временного контекста сложившихся неформальных практик их трудно освоить, если актор принадлежит к другой культуре. Овладеть контекстом можно только со временем, вместе с языком, опытом и включённостью. Гораздо проще оставаться в знакомом кругу общения, в диаспоре, с её временными параметрами, что и происходит с большинством мигрантов в первом поколении.

Поколенческий опыт также накрепко привязан ко времени, к его уникальности и необратимости. Каждое новое обращение к опыту будет порождать разные смыслы в зависимости от момента времени. Кроме того, неформальные взаимодействия той или иной социальной общности могут охватывать жизнь не только одного поколения. Многие поведенческие установки, основания мотивационного выбора, оценки шансов, критерии успешности выбранной линии поведения сохраняются на протяжении нескольких поколений и переходят от одного поколения к другому посредством передачи культурных смыслов, идей, идентификационных признаков, нарративов и пр.

Характерный пример — поведение диаспор, этнических или поселенческих общин, которые формируют надындивидуальные и коллективные цели (например, повышение социального статуса, обеспечение безопасности, воссоединение семей и пр.) и стремятся к их достижению на протяжении жизни ряда поколений. В случае необходимости прошлое перетолковывается для потребностей нынешней ситуации или «настоящее интерпретируется так, чтобы оно находилось в последовательном взаимоотношении с прошлым» [8, с. 125].

♦ **Эластичность.** В отличие от формальных институтов, в неформальных практиках нет осознанной нормативной заданности. По этой причине они крайне вариативны, а сопутствующие им нарративы и смыслы подвергаются постоянной интерпретации, переосмыслению и корректированию в зависимости от событий и ситуаций, в которые вовлекаются индивиды и их сообщества.

Эластичность неформальных практик связана как с их темпоральностью, так и с рекурсивностью. Это, фактически, их способность возвращаться к своему основанию и исходной «модели» после устранения деформирующих сил и обстоятельств. Именно эластичность позволяет неформальным практикам восста-

новиться после глубоких социально-политических и экономических преобразований в обществе и возникших из-за этого межпоколенческих коммуникационных разрывов. Прежние «традиции» либо восстанавливаются, либо заново создаются по тем же «декалам».

Поскольку разнообразие индивидуальных и коллективных мотивов поступать так, а не иначе огромно, вариаций неформальных практик всегда намного больше, чем кажется на первый взгляд. Само понятие «неформальная практика» в самом широком смысле обозначает область индивидуальных и коллективных действий, в которой господствует импровизационный и адаптационный прагматизм и происходят постоянные «эксперименты» с нормой.

Конечно, каждая неформальная практика целостна и исторически кодифицирована неизменным имманентным смыслом. Однако, согласно П. Бурдье, социальная норма всегда иллюзорна. В каждый момент её применения она находится в состоянии динамического испытания, что напоминает противопоставление языка и речи [9, с. 227]. В этой связи П. Бурдье призывает выйти за пределы дуализма «правил» и «исключений», отказаться от соблазна считать предустановленную нормативную систему и навязанные ею роли достаточным основанием для понимания взаимодействий без учёта контекста и ситуации.

Институционально навязываемые практики со своей строгой нормативной упорядоченностью, с «понятными» и «предсказуемыми» нарративами, на деле весьма уязвимы, поскольку их акторы существуют не на необитаемом острове, а в мире, переполненном неопределённостью и враждебностью. С другой стороны, чрезмерная нормативная эластичность чревата идентификационными издержками — люди перестают понимать, кто они есть на самом деле¹.

Однако всегда существуют социальные группы, которые довольно жёстко идентифицируют себя с прошлым и с некогда утерянной авторитетной нормой, бросая все свои символические ресурсы на попытку восстановить её ортодоксальную «чистоту». Жёсткое сохранение аутентичности норм особенно характерно для небольших замкнутых субкультур, религиозных общин и криминальных групп.

Между тем именно гибкость и адаптивность неформальной нормы становится средством сохранения тех или иных социальных общностей. Каждая из них генерирует целый спектр поведенческих реакций, интерпретаций и смыслов, привязанных к конкретной ситуации. Именно вариативные практики, приспособляющиеся к меняющемуся социальному контексту, создают не рационально выдуманную, а живую реальность. Кроме того, неформальные практики часто отражают разнообразие эмоциональной заряженности конкретных событий, добавляя к их контексту присущий им драматизм.

Эластичность неформальных взаимодействий обуславливает то, что рекурсивная «петля» воспроизводства социальных связей со временем не изменяет радикально структуру и компоненты неформального взаимодействия. Так происходит встраивание персональных связей в новые (или «чужие», инокультурные) институциональные структуры. Даже общины с, казалось бы, незыблемыми идентификационными границами нередко перенимают практики соседей без каких-либо отрицательных последствий для себя².

¹ Подобное на этническом уровне Л. Гумилев назвал химерой – этнической какофонией на отдельно взятой территории.

² Так, китайская община (хуацяо), имеет свои особые черты в каждой отдельной стране Юго-Восточной Азии, сохраняя китайскую идентичность и китайское культурное ядро, оставаясь автономной и независимой от страны пребывания.

♦ **Вариативность.** Институциональное пространство всегда тяготеет к однородности. Государство подавляет разнообразие социальных связей всем своим институциональным весом, «спрямляя» социальную и культурную реальность. Оно вводит «царство закона», которое по замыслу должно положить конец конфликтам и противоречиям. Однако подавляя социальную энтропию, государство создаёт чрезмерные напоры норм, которые могут провоцировать нестабильность.

Неформальное пространство, напротив, не подавляет, а воспроизводит различия, что положительно сказывается на социальном гомеостазе. В каждой неформальной практике соединяется субъективный внутренний опыт с не менее разнообразными характеристиками общества. И то, и другое смешиваются в самых разнообразных сочетаниях. Речь идёт именно о разнообразии, а не о фрагментации.

Отдельные локации неформального несоизмеримы или, в лучшем случае, имеют пределы сравнимости, поскольку сложились в совершенно разных исторических условиях и отражают изменчивое социальное состояние и самочувствие социума. Какие-то практики выходят на общий уровень, другие поддерживаются на местах и по разным причинам и поводам.

На местном уровне, в локациях, удалённых от центра, неформальные повседневные практики, невидимые «сверху», особенно масштабны и разнообразны, они адаптированы для конкретных нужд «здесь и сейчас». Разнообразие и различия проявляются в договорённостях о совместном пользовании чем-либо, в молчаливом согласии о неприменении силы, во взаимности и реципрокности, в отношениях к репрессивным формальным нормам, в согласии о том, «что принято» и «как обычно это делается». Убедительное подтверждение этих качеств неформальных взаимодействий приведено Ю. М. Плюсниним при эмпирическом описании российского провинциального общества на локальном уровне [10]. Точки генерации смыслов и целей неформальных практик на местном уровне сходятся там, где они так или иначе включены в локальную повестку. Поэтому даже на сравнительно небольшом удалении от центров принятия управленческих решений можно обнаружить совсем другую жизнь, создающую свою неповторимую грань между институциональными нормами и устойчивыми неформальными практиками.

Нормы неформальных социальных практик — это не только рационально осознанная или неосознанная упорядоченность и повторяемость в действиях людей, но и проявление внерациональных ценностных установок в мировосприятии, что создаёт ещё один «пласт» вариативности неформальных норм.

♦ **Ценностная «нагруженность».** Неформальные нормы и ценности тесно связаны друг с другом отношениями взаимной «востребованности». По Веберу, ценности являются не только мотивом человеческого действия, но и фундаментальной нормой любых видов действий [11, с. 628]. Действительно, ценности являются одновременно и мощным источником мотивации, и ориентиром неформальной целенаправленной деятельности.

Мы определяем ценности как одобренные культурой относительно стабильные символические мотивы и нормативные идеалы конкретных практических действий, встроенных в память социальной системы. На конкретном уровне это некие стратегические детерминанты социальных практик по всей вертикали социальной стратификации, а также модели повседневного поведения лично-

сти, социальной группы и общества в целом в конкретных ситуациях. Ценности и *prigori* создают мотивы и определяют ориентиры поведения людей по принципу «допустимо — недопустимо», «хорошо — плохо», «полезно — вредно».

Ценности нормативны по своей природе. По сути, они есть способ бытия нормы, поскольку задают принципы, убеждения, на основе которых в вертикали социальной стратификации возникают мотивы к определённой целенаправленной деятельности.

Д. Норт также подчёркивал важность сочетания человеческих (ценностных) и институциональных аспектов и на этой основе включал в характеристику человеческого капитала «неформальные институты» (*терминология автора*), создаваемые на основе убеждений. В его понимании вся институциональная структура отражает ценности, убеждения и предпочтения, оформившиеся в том или ином обществе в ходе истории, и определяет её эволюцию [12]. С этим подходом можно согласиться, учитывая, что социальную реальность определяют не только институциональные практики, оформленные элитами в законах, но и давление на них ценностных установок множества общественных групп и слоёв.

Ценностная нагруженность неформальных коммуникаций на порядок выше, чем институциональных. Конечно, в современных законах отражаются, казалось бы, незыблемые ценности — такие как справедливость, свобода, равенство, ответственность. Проблема в том, насколько эти «незыблемые» ценности могут вызвать в локальных контекстах современного общества достойный поведенческий ответ, хотя бы минимально сравнимый с силой ценностных ориентиров повседневной жизни людей. Если мотивационное значение институтов во многом определяется системой поощрения/наказания, то мотивация в системе неформальных связей напрямую связана с их ценностной нагруженностью.

Можно даже сказать, что социальные нормы основаны на ценностях, поскольку являются основными проводниками поведенческих установок общества. Если ценностные параметры институтов — это ответ на извечный вопрос: «*Quo vadis?*», то ценностное бытие неформальных норм проявляется как социальный (поколенческий, групповой, семейный) опыт, в пределах которого индивиды могут искать допустимые и безопасные способы достижения повседневных целей.

Ценности живут и своей «самостоятельной» жизнью (в виде идей, заповедей, нарративов и пр.), создавая поведенческие установки как бы помимо регулятивных норм. В этом случае ценности описываются категориями волевого, эмоционального и когнитивного ряда, а также психологической сферы. Вместе с тем, как полагает А. Аузан, ценности не дают однозначного выбора поведенческих установок, не приказывают, что и как делать. В отличие от социальных норм, они не жёстко детерминируют поведение, а лишь устанавливают границы³.

Ценности напрямую связаны с интересами, без которых они не обладают практическим значением. М. Вебер трактует «мирские ценности» как свойственное эпохе направление интереса [11]. Если нет интереса и его практического осуществления, то нет и ценностей. Им неоткуда взяться. Вместе с тем

³ Алексеев Э. Чем мы заслужили такую экономику? // Newsland. 06.08.2013. URL: <https://newsland.com/post/2130180-chem-my-zasluzhili-takuiu-ekonomiku> (дата обращения: 29.10.2024).

ценностям свойственна большая устойчивость и определённости, чем интересам, которые могут видоизменяться в весьма широких пределах⁴. Это, в частности, подтверждают результаты европейского исследования, выделяющие различные типы ценностных ориентаций и предпочтений в институциональных «верхах» и неформальных «низах», как в развитых и развивающихся обществах, так и там, где неудачи развития объясняются ценностями, препятствующими ему⁵.

2. Функции неформальных взаимодействий

♦ **Обогащение социальной среды.** Развитие и усложнение общества связаны с повышением значимости процессов самоорганизации. Во многом это обусловлено тем, что сложность неформальных взаимодействий не находит своего отражения в необходимом институциональном разнообразии, которое обеспечивает нормативно организованные и контролируемые общественные процессы. Жизнь всегда оказывается богаче и полнее, чем её упрощённая институциональная модель.

Другими словами, институты не могут быть «ключом» к каждой конкретной социальной ситуации. А неформальные реакции могут. Они функциональны, закрепляются в устойчивых формах опыта людей и прокладывают путь группам интересов не хуже институтов. Зазор между институциональным фасадом общества и реальностью может быть больше или меньше, но он существует всегда.

Каждый новый институт вводит в оборот очередную «порцию» неформальных практик. При усилении институционального давления неформального творчества становится не меньше, а больше. Общество компенсирует плотность формальных институтов ещё большей плотностью неформальных взаимодействий. Причём большинство их в историческом развитии не уходит бесследно, а остаётся как бы в резерве. Даже экономисты, наиболее последовательные апологеты институционализма, пытаясь осмыслить положение дел в современной экономике, не могут обойти обширное поле неформальных взаимодействий, связанное, в частности, с информационными и логистическими технологиями.

Важным свойством неформальных социальных взаимодействий является то, что они, в силу свободы от форм, границ и жёстких правил стремятся расширить свой масштаб, тем самым обогащая социальную среду. Если в каком-то сегменте общественной жизни институты не возникают, то неформальные отношения, основанные на доверии и взаимных личных обязательствах, в большей или меньшей степени существуют всегда и везде. Разумеется, в реальности любые общественные отношения ограничены историей, культурой и здравым смыслом. Но дело в том, что неформальные связи всегда определяются социальным контекстом (цивилизационным, культурным, историческим, этническим и т.п.), а разнообразие контекстов огромно.

⁴ Так, Европейский союз в Лиссабонском договоре прямо записал в свои уставные документы, что он проводит политику, основанную на ценностях (value-based policy). Тем самым прежние трактовки международных отношений как борьбы за интересы как бы канули в Лету. Однако именно это сыграло с Европейским союзом злую шутку: после кратковременного подавления национальных интересов стран-участников наступил настоящий ренессанс «реликтового» национального чувства, что вряд ли входило в задачи архитекторов единой Европы. Более того, активно продвигая ценность толерантности, Европа оказалась перед угрозой возрождения идей национальной исключительности.

⁵ World Values Survey. 2024. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSCContents.jsp> (дата обращения: 15.10.2024).

Можно предположить, что при движении вверх и вниз по лестнице социальной стратификации масштаб неформальных порядков меняется. Принято считать, что ближе к её подножью «теневых» практик становится больше, причём они считаются не только допустимыми, но и социально приемлемыми, особенно если «тень» является основным источником существования людей. Средние слои населения более законопослушны, хотя и не лишены стремления в случае крайней необходимости обойти ту или иную институциональную норму. Всем приходится каким-то образом адаптироваться к условиям современной жизни. В верхах теоретически неформальных порядков должно быть ещё меньше, поскольку там производятся смыслы и задаётся вектор институциональным изменениям.

Между тем в действительности в верхах «теневых» соблазнов и возможностей на порядок больше, чем где бы то ни было. Несмотря на доступность более или менее законных *ad-hoc* решений в пользу конкретных персон, неформальное потакание узкопартикулярным интересам поставлено на поток. Более того, сама власть становится источником неформальности, активно применяя «телефонное право», составляя «черные списки» или, скажем, раздавая «своим» фиктивные атрибуты более высокого социального статуса. В этих условиях институты работают по известной формуле: «друзьям — все, остальным — закон». Всё это обогащает палитру неформальных взаимодействий, однако вместе со специфической для верхов девиацией: административным произволом, волюнтаризмом, вседозволенностью, круговой порукой, двойными стандартами, коррупционными связями. Причём у акторов возникает ощущение естественности сложившегося порядка вещей, уверенность в том, что иначе и быть не может.

В отличие от институтов, закреплённых в законодательных актах, неформальные практики не фиксируются в неких мыслительных конструктах, имеющих разного рода когнитивные ограничения, а являются результатом длительного социального взаимодействия, вобравшего в себя локальные (региональные, местные) социокультурные и ценностные установки, принятые нарративы, массовое восприятие ситуации и многое другое. Именно по этой причине неформальность может длительное время конкурировать с возможностями, предоставляемыми внешней институциональной средой. В этом же кроется ответ на сакраментальный вопрос: почему социум может сохранить себя вне институциональных рамок.

♦ **Страхование рисков.** Страхующая (замещающая) функция неформальных отношений особенно ярко проявляется в различных ситуациях системного риска. Это касается всех видов риска: экономических, политических, экологических, климатических и др., которые могут нести угрозу самому существованию общества, прерывать «нормальный» поток событий в жизни людей. В современных условиях разрастание социальных рисков связано с объективным ростом системной неопределённости и сложностью социальных коммуникаций. Нередко это сопровождается конфликтами, междоусобицей, размахом протестных движений, безработицей, инфляцией, продовольственными проблемами, коррупцией и т.д. В этих условиях уповать только на институциональность с её правовыми нормами крайне непродуктивно, поскольку она далеко не всегда способна оказать сопротивление конкретным событиям, которые, образно говоря, «не должны были случиться».

Другими словами, одной лишь институциональной профилактикой социальные риски не устранить. Необходим вариативный набор неформальных социальных взаимодействий, страхующих общество от возникающих рисков. Как утверждает Кэрол Мершон, акторы создают неформальность тогда, когда считают это менее затратным, чем следование формальным институтам [13]. Затратность в данном случае может рассматриваться в качестве синонима неопределённости и рисков, ведущих к росту издержек при осуществлении социальных коммуникаций.

Проблема заключается в том, что институциональные конструкции не признают событий, которые находятся за пределами «предсказуемого». В идеале они должны содержать допуск на случайности, а также оставлять место для поведенческой ошибки. Но это вряд ли достижимо. В лучшем случае институты «туннелируют» события, то есть охватывают несколько ясно очерченных зон неопределённости, при этом игнорируя те, о существовании которых можно только догадываться.

Большое количество рисков возникает на стыке явного (формального) и неявного (неформального) или, другими словами, между тем, что законодатели стремились закрепить в нормах, и тем, что оказалось приемлемым для людей в повседневной практике, исходя из сложившихся представлений о должном. Возникают так называемые институциональные риски, которые носят систематический характер, поскольку попытки навязать реальному обществу то, что ему несвойственно, без учёта повседневного опыта людей, предпринимаются постоянно и заканчиваются в лучшем случае ничем, а в худшем — катастрофой. Эти риски получили название «институциональной ловушки», хотя, учитывая трагические последствия попадания в неё, точнее было бы говорить об «институциональной западне» [14].

Заменить «генетическую» ущербность институтов могут лишь императивы неформальной общественной самоорганизации, включающие родственные связи, соседский круг, землячество, этническую общность, сельское сообщество, сетевые сообщества, кланы, — всё то, что создаёт дружеское участие, поколенческую солидарность, поведенческую дисциплину и т.д. Речь идёт не о банальной круговой поруке, а о групповой сплочённости и межличностном доверии, которые опираются на культурные и ценностные детерминанты, а также учитывают весь сонм этических, моральных, психологических и ментальных ограничений.

Самоорганизация уже сама по себе есть форма сопротивляемости различного рода неожиданностям с целью подстраховаться и выжить при любых переменах, несущих угрозу. Фактически вместо жёсткой институциональной среды она создаёт «рыхлую», нелинейную среду, наполненную традициями и повседневными нормами жизни. Она столь же богата на события, но неожиданностей в них на порядок меньше.

Так, исторически российское общество постоянно спасает то, что оно относится к числу наименее зарегулированных, а значит, более устойчивых систем в отношении рисков. Этот парадоксальный вывод подтверждается всей российской историей, поразительной способностью российского социума выживать в среде неработающих законов и абсурдных административных запретов. Только за прошлый век институциональная структура нашего общества разрушалась несколько раз, и несколько раз социум оказывался «без руля и без ветрил», но с фундаментальными неформальными взаимодействиями.

Самой простой неформальной страховкой от рисков служит реципрокность — обмен дарами на рыночной основе. В случае наступления непредвиденных потерь можно рассчитывать на помощь со стороны родственников, друзей и знакомых. По сути, это постоянно действующий механизм неформального страхования и перестрахования. Индивид рассчитывает на ресурсы своей социальной сети и получает их.

Неформальная страховка от рисков может трансформироваться и в стратегии обыгрывания институциональной системы, причём в её же интересах. Здесь речь идёт не об экономике дара, а о сети деловых контактов, в которых содержатся неформальные коды допуска к той или иной деловой сети, к политической или экономической сделке и актуальному опыту преодоления сопутствующих рисков. К тому, чего никак не получить на институционально упорядоченном рынке. Платёжным средством здесь также служат не деньги, а личностные отношения между людьми, услуги. Анализ неформальных деловых сетей показывает, как много информации проходит через них по сравнению с институционально оформленными иерархическими и матричными структурами, не дающими и десятой доли тех знаний, которые необходимы для выполнения реальной повседневной работы.

Деловые сети возникают во всех обществах, отличаясь лишь палитрой разнообразных контекстов. Страхуя риски, неформальность не борется с институциональной реальностью, а, напротив, обеспечивает ей рискоустойчивость. Вряд ли без неё институциональный процесс был бы вообще возможен.

♦ **Альтернатива и социальное уклонение.** В результате расширения современного коммуникативного пространства неформальные взаимодействия все чаще противостоят институтам как альтернатива, становясь все более массовыми и неоднозначными по своим последствиям. Одна из причин этого состоит в том, что современное законодательство не столько институционализирует неформальные социальные практики, сколько борется с ними. В результате возникают группы интересов, которые ведут активный поиск альтернативных, а по сути обходных путей. В большинстве случаев это не выходит за рамки закона, лишь часть соответствующих практик может рассматриваться в дихотомии законность/незаконность, легальность/нелегальность.

Высокоресурсные группы интересов через систему лоббирования и «рациональный» дискурс о так называемом общем благе активно внедряют в нормативную базу различные «лазейки» для её частичной нейтрализации. В результате за институциональным фасадом может царить альтернативный порядок весьма «патримониального» типа. Его оценка с точки зрения лучше/хуже не имеет аналитического смысла. Ненормативные отклонения в данном случае не содержат девиации и вполне функциональны, поскольку позволяют корректировать систему рутинных правил альтернативным (более коротким) путём достижения цели. Моральная сторона таких практик требует отдельного рассмотрения.

Например, рыночные институты многих стран построены в соответствии с постулатами неоклассической экономической теории и закреплены в законах: это совершенная конкуренция, свобода входа и выхода на рынки, чётко определённые права собственности, нулевые транзакционные издержки и т.п. Однако на практике происходит неформальное укрепление позиций одних участников рынка и ослабление позиций других. Вход на рынок сопровождается административными барьерами, которые преодолевают только «свои» фирмы. Понят-

но, что неформальное сочетание присутствующих здесь интересов не имеет ничего общего с официально декларируемой свободой конкуренции и независимостью бизнеса от власти.

Возникают две альтернативные системы социальных коммуникаций: формально-рациональных для публичного потребления и неформально-теневых для внутреннего использования.

Здесь уместно задать риторический вопрос: существуют ли вообще институты, справедливость которых не вызывала бы сомнений? Если ответ отрицательный, то уклонение от институционального давления можно считать универсальным и глобальным феноменом. Возможны ситуации, при которых значение того или иного института низводится до формальной оболочки реально господствующих неформальных практик.

Источником уклонения является разочарование людей в формальных институтах в результате их неспособности соответствовать внутренним убеждениям граждан. Люди ощущают, что участвуют в «чужой» игре, правил которой они не принимают. Это можно рассматривать как симметричный ответ: власть не возлагает на население доверительных ожиданий — и население отвечает ей аналогичным недоверием. Если продолжить игровую метафору, то «уклонение» — это попытка найти «свою игру». Подобная логика восприятия социального взаимодействия распространена в политико-идеологическом дискурсе, но не всегда подтверждается эмпирической реальностью [15].

Проблема неформальных альтернатив состоит в том, что многие из них в условиях полной или частичной безнормативности уведат людей далеко за пределы предназначенных им социальных (институциональных) ролей или допускают персонифицированные отношения в тех сферах социальной жизни, где требуются жёсткие правовые регламенты.

Каким образом возникают неформальные альтернативы? Можно предположить, что участники неформального взаимодействия обладают неким общим знанием, позволяющим оценивать «правильность» своего и чужого поведения и закреплять его как альтернативный, устойчивый способ реагирования на ситуацию, адекватный данной социальной среде. Выбор альтернативы никем не навязывается: он не связан с волей или действиями конкретных лиц. Сложившийся порядок воспринимается как закономерный и поэтому устойчивый — даже при нежелании «в это играть» систему «не ломать», ей «не навредить» и её «не исправить». Это во всех отношениях смыслообразующая деятельность, конструирующая «общее значение» и социальную идентичность включённых в неё индивидов.

При поиске решения в рамках конкретного социального и коммуникативного пространства человек постоянно сталкивается с проблемой формальной/неформальной альтернативы. Поэтому как институциональному, так и неинституциональному миру требуется когнитивное объяснение и оправдание или, по выражению Бергера и Лукмана, объяснение хорошего или плохого функционирования социального мира. По их мнению, знание является ключевой категорией институционального анализа в том смысле, что рациональность содержится не в самих практиках, а в знании о них: «Логика свойственна не институтам... а способу рефлексии по их поводу» [8, с. 108].

В институциональном мире знание описывается как «институциональное мышление», в неинституциональном, по аналогии, можно говорить «о том, что каждый и так знает». В первом случае главным является практическое «know how», то есть знание о том, как нужно поступать в том или ином случае, полу-

ченное в едином для всех участников взаимодействия информационном пространстве. Во втором — знание объединяет представления о реальности, сосредоточенное в утверждениях, описаниях, верованиях и т.д., объясняющих «как это обычно делается». Возникает множество нарративов, в которых люди живут коллективно.

Заключение. Благодаря своим сущностным качествам — рекурсивности, темпоральности, эластичности, вариативности и ценностной нагруженности — неформальные практики не только дополняют институциональную (формальную правовую) среду, но и при определённых условиях замещают её, формируя новую конфигурацию социальной реальности. Они обогащают социальный ландшафт, страхуют общество от постоянно возникающих рисков и создают поведенческие альтернативы, позволяющие адаптироваться к меняющимся условиям.

Именно неформальность создаёт то «особенное» в каждой конкретной исторически сложившейся человеческой общности. Она определяет специфику организации повседневной жизни, расстановку социальных сил и групповых интересов внутри общества. Эти практики не просто воспроизводят существующий порядок, но и обеспечивают его устойчивость в условиях неопределённости и внешних воздействий.

Подобная концептуализация позволяет понять, почему институциональные стандарты, навязанные извне — как это было, например, с рекомендациями МВФ и Всемирного банка в отношении России — как правило, не приживаются или существенно деформируются, погружаясь в океан «нативных» общественных связей.

Библиографический список

1. Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Неформальность в обществе: поиск методологии исследования // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 105–114. DOI [10.31857/S013216250028536-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028536-2). EDN [NTBUDR](#).
2. Giddens A. The Constitution of Society: An Outline of the Theory of Structuration. Berkeley : University of California Press, 1984. 442 p.
3. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с. EDN [TRPTCI](#).
4. Барсукова С. Ю. О правилах в боях без правил. Рецензия на книгу: Панеях Э. Правила игры для русского предпринимателя (М.: Колибри, 2008) // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 5. С. 90–97. EDN [OZIWCX](#).
5. Голубицкий Ю. А. Повар не должен вариться в своём супе... // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 3. С. 69–84. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.7). EDN [OATTKT](#).
6. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Политическая энциклопедия, 2004. 1056 с. EDN [QWHEJL](#).
7. Brose H. G. An Introduction towards a Culture of Non-Simultaneity? // Time and Society. 2004. Vol. 13, No. 1. P. 5–26. DOI [10.1177/0961463X04040740](https://doi.org/10.1177/0961463X04040740). EDN [JTTHFZ](#).
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
9. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Paris : Éditions du Seuil, 2000.
10. Плюсин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М. : Common Place, Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. EDN [EJVYHA](#).
11. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с. EDN [SGUYOR](#).
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 180 с. EDN [YQDVYE](#).
13. Mershon C. A. Expectations and Informal Rules in Coalition Formation // Comparative Political Studies. 1994. Vol. 27, No. 1. P. 40–79. DOI [10.1177/0010414094027001002](https://doi.org/10.1177/0010414094027001002). EDN [JRBZVV](#).
14. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы : институты VS неформальные практики. М. : Ключ-С, 2018. 304 с. EDN [YRIBBR](#).

15. Симоянов А. В. Социальные иждивенцы: политический миф и научная реальность // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 1. С. 66–75. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.6). EDN [SISQZY](https://www.edn.ru/SISQZY).

Поступила: 08.04.2025. Доработана: 20.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторах:

Левичева Валентина Фёдоровна, доктор философских наук, профессор, научный руководитель АНО Институт «Справедливый мир». Москва, Россия.

levvf@mail.ru

Author ID РИНЦ: [112261](https://elibrary.ru/112261)

Диманс Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры. Москва, Россия. dimsl51@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1045350](https://elibrary.ru/1045350)

V. F. Levicheva¹, S. L. Dimans²

¹ ANO "Fair World" Institute. Moscow, Russia

² MSAPE. Moscow, Russia

INFORMAL INTERACTIONS IN SOCIETY: EXPERIENCE OF CONCEPTUAL INTERPRETATION

Abstract. The aim of the article is to propose a conceptual and methodological approach to understanding informal interactions as the ontological foundation of society and a resource for its development. The authors reveal their core essential qualities — recursiveness, temporality, flexibility, variability, and value-ladenness — demonstrating how these drive changes in political, economic, and social practices. The flexibility and adaptability of informal norms ensure the preservation and intergenerational transmission of a spectrum of positive behavioral responses, values, and meanings tied to specific life situations. The recursive “loop” of informality sustains the continuity of social bonds over time. Informal interactions not only complement the institutional environment but, under certain conditions, replace it, shaping new configurations of social reality. They enrich the social landscape, safeguard society against persistent risks, and create behavioral alternatives. It is informality that embodies the “particular” distinguishing one historically formed society from another. However, the proliferation of informal practices beyond a certain “measure” signals the inadequacy or ineffectiveness of a society's institutional structure and may hinder its development.

Keywords: informal interactions, institutionality, temporality, recursiveness, risk insurance, social evasion

For citation: Levicheva V. F., Dimans S. L. Informal interactions in society: experience of conceptual interpretation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):7–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.1>

References

1. Levicheva V. F., Dimans S. L. Informality in Society: Searching for Explorative Methodology. *Sociological Studies*. 2023;(11):105–114. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250028536-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028536-2).
2. Giddens A. The Constitution of Society: An Outline of the Theory of Structuration. Berkeley: University of California Press; 1984.
3. Lefebvre H. La production de l'espace. Moscow: Strelka Press; 2015. (In Russ.).
4. Barsukova S. Yu. On Rules of Ultimate Fights. Book Review: Paneyakh, E. (2008) Rules of the Game for the Russian Entrepreneur, Moscow: Colibry. *Journal of Economic Sociology*. 2008;9(5):90–97. (In Russ.).
5. Golubitsky Yu. A. A cook must not be bohed in his own soup. *Science. Culture. Society*. 2021;27(3):69–84. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.3.7](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.7).
6. Schütz A. Selected: The World Glowing with Meaning. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2004. (In Russ.).

7. Brose H. G. An Introduction towards a Culture of Non-Simultaneity? *Time and Society*. 2004;13(1):5–26. DOI [10.1177/0961463X04040740](https://doi.org/10.1177/0961463X04040740).
8. Berger P., Luckmann Th. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
9. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Paris: Éditions du Seuil; 2000.
10. Plusnin Yu. M. Social structure of provincial society. Moscow: Common Place, "Khamovniki"; 2022. (In Russ.).
11. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).
12. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Nachala; 1997. (In Russ.).
13. Mershon C. A. Expectations and Informal Rules in Coalition Formation. *Comparative Political Studies*. 1994;27(1):40–79. DOI [10.1177/0010414094027001002](https://doi.org/10.1177/0010414094027001002).
14. Dimans S. L., Levicheva V. F. People and Norms: Institutions vs Informal Practices. Moscow: Klyuch-S; 2018. (In Russ.).
15. Simoyanov A. V. Social dependents: political tale and scientific reality. *Science. Culture. Society*. 2022;28(1):66–75. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.6).

Received: 08.04.2025. Corrected: 20.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Valentina F. Levicheva, Doctor of Philosophy, Professor, Academic coordinator,
Autonomous non-profit organization to promote the development of civil society institutions
“Fair World” Institute. Moscow, Russia.
levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans, Candidate of Economics, Associate professor, Moscow State Academy of
Physical Education. Moscow, Russia.
dimsl51@mail.ru